

Нечто о пуговицах и о школе

Статья известного философа г. Розанова

Влас ДОРОШЕВИЧ

Ах, какую вы пуговицу надели, г. учитель! Какую пуговицу! Золотая, с орлом, смотреть боязно. И фрак, вернее, полуфрачек, у вас синющий-синющий, страшнуший-страшнуший. И не одна, а две!

Увидит вас, в полуфрац суща, ученичек Павсикакиев Елпидифор, мальчичек, младенец Божий, ангельская душенька. Душа у младенчика скапустится, и вострепещет младеничек, и уйдёт его душенька в пяточку. И будет она в пяточке во младенческой сидеть с трепетом. И перезабудет младенец все исключения и будет он глаголы спрягать страха ради, но без всякого удовольствия. Папоротки все отшибёт младенчику, душеке ангельской.

То ли бы дело, ходил учитель в классе в костюмчике. Пиджачок на нём пёстренький, штаники в полосочку, жилеточка с крапинкой. Утешение! Веселье-то, веселье-то какое: штаники в полосочку! Сам серенький, ножки полосатенькие. Радость безмерная!

Так у Елпидифорушки и папенька ходит, дяденька Феоктист, и у тётеньки Аккелины такая юбка есть! Родные уже эти штаны Елпидифорушке. И учитель уже родной, потому что в родных штанах ходит. Ну, совсем словно учитель штаники из Аккелининой юбочки перешил! Этакое что-то милое! И прилепится ученик всей душой к учителю серенькому. И сольются они воедино, милые!

И чтоб звал ученичок учителя не «г. учитель». На «господин городской» это похоже. И не «Пётр Иванович». Сухо, это! Холодно! «Пётр Иванович!» Словно кредитора какого. А чтоб звал ученик учителя просто:

— Дяденька!

Мило и радостно! «Дяденька». И все фразы музыку этакую получают. Музыкой исполняются.

— Дяденька, я нынче урока не выучил!

Музыка!

— Дяденька, позвольте выйти!

Опять музыка!

И умягчится сердце учителя. Ибо как дяденька и вдруг племяннику кол поставить? Не бывает этого! Или как вдруг дяденька племяннику скажет:

— Станьте в угол!

И скажет учитель-дяденька:

— Ну, ничего, ничего, племянничек! В другой раз выучишь!

И разрешит учитель-дяденька:

— Иди, иди, миленький! Иди, иди ножками!

Ах, какое благорастворение воздухов может быть, если только учителю золотую пуговицу выпороть!

Начитался я статей гг. Розанова, Proctor'a и К0, заснул. И пригрезилась мне школа.

Не наша школа — реформированная.

Реформированная по проекту гг. Розанова, Proctor'a и К0.

Завидев ученика, учителя кидались за ним, сломя голову, ловили и, преисполненные любви к учащимся, целовали.

Так что некоторые ученики — особенно младших классов — даже под парты прятались.

Но переполненные любовью учителя настигали их, вытаскивали за ногу из-под парты, крича:

— Врёшь, шельмец! Будешь на основании циркуляра исцелован!

И целовали в обе щёки.

Даже и директор!

При встрече с воспитанником прижимал его к сердцу и, целуя, говорил:

— Не я вас целую — циркуляр вас целует! Потому что нам вас любить приказано!

Ученики третьего класса, замусленные от поцелуев, сидели, с нетерпением ждали учителя математики и беседовали.

Настроение учащихся было полное интереса.

— Хотел бы я знать, — захлёбываясь, говорил ученик Розанов Василий, — хотел бы я знать, в каком сегодня костюме придёт дяденька математики! Я так думаю, что непременно в сереньком. В том, что крапинкой!

— Держи карман шире! — возражал Энгельгардтов Павел. — Вчера был в сереньком! Нельзя же каждый день в сереньком ходить, — учащихся утомишь! Придёт он, братцы вы мои, в клетчатой визиточке и панталоны с искрой! Помяните моё слово!

— Идёт! Идёт! — раздались радостные клики.

И все ученики, от радости сделав сальто-мортале, кинулись гурьбой навстречу учителю.

Но учитель был не в сереньком пиджаке и не в клетчатой визиточке. Учитель был в русском костюме.

В красной рубахе-косоворотке, в плисовых шароварах, в сапогах бутылками. На голове у него была шапка с павлиньими перьями, а под мышкой гармоника.

— Совсем наш кучер Илья! — воскликнул Прокторов Гаврюша.

Учитель самодовольно улыбнулся.

Перецеловав всех учеников в классе и поручив первому ученику поцеловать за него отсутствующих, учитель крикнул и сказал в русском стиле:

— Уж вы гой еси, добры молодцы! А пристало ли вам, добрым молодцам цифирью поганой заниматься, делать разные там сложения да деления! Вы кидайте, кидайте книги печатные! К чёрту их штаны Пифагоровы, выдумки разные немецкие! Мы начнём лучше, добры молодцы, песни петь-играть русские, песни петь-играть молодецкие.

Учитель спрыгнул с кафедры, надвинул набекрень шляпу с павлиньими перьями, гикнул, свистнул и завёл тонким голосом:

— Солдатушки...

— Бравы ребятушки! —

гаркнул весь класс.

— И где же ва-а-аши жё-е-ены?! —

спрашивал учитель.

— Наши жёны — ружья заряжены! —

отвечал весь класс. —

Вот где на-а-аши жё-е-ёны!..

— Эх, ты! Гуляй! Разговаривай! — в восторге от успехов класса воскликнул учитель, поставил правую ногу на каблук, пошевелил большим пальцем, посмотрел на игру носка, воспламенился и вдруг хватил впрысдку.

«Ай, жги, жги, говори», — пел и притоптывал весь класс.

В эту минуту вошёл директор.

На директоре был для разнообразия розовый пиджак, жилет с чёрными и белыми клетками, одна панталона зелёного цвета, другая оранжевая. На голове жокейская шапочка.

Директор с любовью посмотрел на пляшущего учителя:

— Дух внушаете?

— Так точно, ваше превосходительство. Дух! по системе Proctor'a!

Директор вынул шёлковый платок и, помахивая им, прошёлся русскую.

Урок математики был кончен.

Следующим уроком был французский язык.

Учил не какой-нибудь француз-поганец, которые лягушек едят. А настоящий наш, русский человек. С настоящим, с костромским прононсом.

Увидев его, ученики закричали:

— Бонжоур, монсеур!

— Говорят, шельмецы, как пишут! — в восторге воскликнул учитель, хватаясь за затылок.

И начался урок.

— Французский язык, братцы вы мои, весьма похож на латинский, волк его заешь! Отличается же от него только мягкостью, нежностью, деликатностью. Что по-латыни грубо, дико, неприятно, то по-французски мягко, нежно, деликатно! «Человек», например, по-латыни: «homo». Дико, грубо, неприятно! По-французски: «ломь»! Мягко, нежно, деликатно. Женщина — по-латыни «femina». Дико, грубо, неприятно. По-французски: «лафам»! А барышня — «мадмуазель»! Мягко, нежно, деликатно!

В это время из соседнего класса слышалось:

«Ах, такой, сякой, камаринский мужик»...

— Что у них там? — спросил «француз».

— Урок космографии.

Вся школа пела.

Из одного класса нёсся дискант первого ученика:

Как все русски мужики
Они просто дураки,
Мерзавцы, калина!
Мерзавцы, малина!

— Урок отчизноведения по системе Сигмы!

А хор подхватывал:

Интервью — интервью!
Интервьюшки, вьюшки, вьюшки,
На Сигмочке сапожки сафьяновые,
Ножки маленькие...

В другом классе с народной гордостью садили:

Что за песни, что за песни
Распекает наша Русь!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни,
Так не спеть тебе, француз!

Потомки сотрудников «Нового Времени» пели отдельно:

Гей ты, молодец!

В школе пели и любили.

А родители смотрели и качали головами:

— Какие из них члены «Русского собрания» вырастут!

И радовались.